Вôйна мерзôсть.

Современна повѣсть.

Написавъ
ОДИНЪ ИЗЪ ТРЕХЪ

КОЛОМЫЯ, 1913.
Черенками и накладомъ Михаила Бѣлоуса.

Вôйна — Мерзôсть.

Современна повѣсть.

Написалъ
ОДИНЪ ИЗЪ ТРЕХЪ

КОЛОМЫЯ, 1913.
Черенками и накладомъ Михаила Бѣлоуса.

ВСТУПЪ.

Выйшла наймичка зъ хаты на подвôрье съ мискою зерна и стала кликати всякими голосами, то высокими то низшими, особенными словами, зрозумѣлыми для домашныхъ птицъ: тю-тю-тю! цюрррь — цюрррь — цюрррь!

На тотъ кликъ стали сбѣгатись зо всѣхъ сторонъ: когутъ куры всякой масти, курочки и когутики. Сему дробю сыпнула наймичка на голôй земли зерна и настала по радостнôмъ крику дробю тишина, постягнувшая ся на придавленый гулъ ôтъ сбираня зерна дзюбками.

Но нагло повставъ межи курками страшный пискъ и гаморъ. Одна курка хвативши молодую курочку за малый гребеникъ, стала головкою такъ тормосити, що потекла кровь изъ курочки рѣсными каплями. Наймичка по-

жаловала курочку, а дôставши зъ плота добрый патыкъ, стала ôтганяти курку ôтъ курочки легкими ударами, но курка не боялась того и продолжала курочку куды попало дзьобати. Теперь розлютилась наймичка на курку и ударила ю якось такъ несчастливо понизше головки, що упала она мертвою! Устрашилась наймичка, що забила курку. Она побѣгла съ куркою до потока, щобы ю студеною водою зливати, а тамъ увидѣла ю хозяйка Текля, повертающая зъ поля. „Що зробила ты курцѣ!“ загудѣла хозяйка. „Ужесь ми догаздовала неробо“, — „Я не е нероба. Я не хотѣла ю забити. Она подзьобала курочку до кровы; я ôтганяла курку ôтъ ней и вотъ сталась шкода“, говорила плачучи наймичка. — „Не плачь, небого, не плачь, то ти ничь не поможе; шкоду мусишь заплатити“. — „Та уже я васъ знаю, якî вы добрî! Та уже заплачу я вамъ тоту шкоду изъ моей мизеріи“. — „Що? Ты будешь менѣ еще пысковати? А нажь тобѣ за пыскъ“.... И дôстались наймичцѣ два такъ сильнî удары въ лице, що ажь загомонѣло. Въ тôмъ взялась коло ведущихъ вôйну женщинъ сосѣдка Ганна, но вмѣсто мирити стала ихъ лаяти: „Чого вы таку вôйну точите, вы анатемскî сосѣдки, надъ моею куркою?„ — Якъ то надъ твоею куркою? Ты напастнице! Що намъ до твоихъ

курей! Убирай ся ôтъ насъ завчасу, если не хочешь що обôрвати“, верещала хозяйка. — „Овва! Яка ми велика и страшна! Хоть бысь была и самымъ губернаторомъ, то за правду я бы тебе не боялась, а о свое мушу опôмнутись. Ану придивись лучше курцѣ чія она? Уже цѣлу годину шукаю я мою рябую курку, а она тутъ забита!“ — „Я еи не забила, если поправдѣ она твоя. Возьми собѣ ю и зъѣджъ“ рекла Текля. — „Ты мерзенна бѣдо! А щожь то я? циганка, чи що, щобы я здохли курки ѣла? Ѣджь собѣ ю сама“, рекла Ганна, а хвативши неживу и мокру курку, вергла ю Текли межи очи и стала утѣкати. Текля пôгнала за Ганною и кинула за нею грудою глины. Груда попала въ саму голову. Ганна зайойкала: „Гей, люди, ратуйте! Хоче мя Текля забити. Гей, люди ратуйте!“ На крикъ Ганны вылетѣвъ зъ хаты еи мужъ, а не пытаючи о що бабамъ ходитъ, пôгналъ съ ватрѣлькою за Теклею. Но Текля уйшла, а вмѣсто съ нею стрѣтился ôнъ съ еи мужемъ. И два сосѣды, въ мирѣ и дружбѣ съ собою жившіи, ни зъ того, ни зъ ового, напали на себе якъ лютî звѣры, каждый въ оборонѣ своей жены стаючи. И кто знае до чого было бы дôйшло, якъ были бы не повертали назадъ обѣ жѣнки своихъ мужей образумити.

По доброй хвилѣ выяснилась справа про курку совсѣмъ. Она належала по правдѣ до Ганны, которая шукала за нею длятого, щобы занести ю въ Т. до директора щадничой касы, где служила еи дѣвка Варка. Изъ за курки вчалась вôйна; всѣ про ню утерпѣли, но не было кому за ню платити, бо зôстала она тамъ забита ненарокомъ, где неповинна была знаходитись!... О бодай бы вôйны не бывали!

I.

»Яко чуждіи восташа на мя, и крѣпціи взыскаша душу мою и не предложиша Бога предъ собою«. (Пс. 53.)

Въ Т. на зеленой улицѣ домокъ мурованый, партеровый. Межи домомъ а улицею невеличкій цвѣтный огородчикъ, ôтдѣленый ôтъ улицы штакетами съ воротцями. У входовыхъ дверей до домика невеличка веранда. Домокъ майже новый; на ȍкнахъ видно прекрасно цвитущіи вазоновы цвѣты, — зъ поза цвѣтôвъ бѣлѣются коронковû занавѣсы. Въ домику, въ серединѣ, всюда меблѣ найновѣйшой моды, великіи порядки — чистота и свѣтлость.

За домикомъ малое подвôрье съ древôтнею. — На подвôрье виходъ зъ дому черезъ кухню.

Обѣдова пора. За столомъ сидитъ вся родина, пять осôбъ: хозяинъ съ женою, ихъ двѣ доньки и одинъ сынъ. Хозяинъ, по имени Константинъ, мужчина лѣтъ около 55 числящій, шпаковатый, съ хорошо плеканымъ вусомъ и короткою остриженою бородою—директоръ щадничой касы и властитель своего мешкального дому. Жена директора, Иванна, молодша ôтъ него що найменше о десятъ лѣтъ некрасивая, но дуже миловидная женщина съ розумнымъ выразомъ лица. Одна, старшая донька числитъ лѣтъ 18 ей имя Ольга; сынъ Орестъ мае на колнѣри школьного мундурика два золотî паски: молодшая донька, Евгенія, дѣвчинка лѣтъ выеше тринадцять.

Всѣ дѣти хорошіи, хоть некрасивî. Всѣ дуже добре выхованî, а въ школѣ отличнî що до поведеня и наукъ. Найстарша дитина, Ольга, выйшла уже изъ школы передъ пару роками, а учится теперь бухгальтеріи, щобы въ потребѣ найти собѣ занятіе въ банку. Евгенія ходитъ еще до школы.

Ольга знана въ мѣстѣ во всѣхъ обществахъ интелигенціи, бо яко хорошая спѣвачка выступае она въ хорахъ на вечеркахъ

и бывае на танцовальныхъ забавахъ. А на всѣхъ вечеркахъ мае она великое счастье, бôльшое ôтъ красивыхъ панночокъ, а се за свôй умъ, за веселôсть и притомнôсть духа во всякихъ случаяхъ.

Во время обѣда принесъ листоношъ письмо. — Хозяинъ прочитавши письмо, усмѣхнулся и поглянувъ на Ольгу, тая же догадавшись въ чемъ дѣло, зарумянилась якъ пивонія и спустила повѣки.

— Днесь о пятой годинѣ приѣде Николай, сказалъ хозяинъ. — „Важное намѣреніе спроваджае его тымъ разомъ до насъ“ стоитъ въ листѣ написано.

— На то замѣреніе можемь догадатись, сказала хозяйка. „Оно касается вѣроятно тебе Олюню. Такихъ добрыхъ мужчинъ, якъ Николай, мало днесь въ свѣтѣ, длятого полюбили мы его всѣ, а ты, Олю найбôльше. Но призадумай ся, доню, надъ тымъ, що ôнъ изъ за границѣ! Если ты по правдѣ выйдешь за него, то оставишь не тôлько сей свôй рôдный кутокъ, повный счастя и веселости, но и свое родимое мѣсто и свôй родимый край, всѣхъ своихъ подругъ и добрыхъ знакомыхъ. Сегодня попроситъ Коля вѣроятно формально о твою руку. Если руку дашь ему, даного слова зломити честь не позволитъ тобѣ. Поду-

май добре, Олюню, що робити, щобысь потôмъ зъ туги за родиною и всѣмъ, що тобѣ тутъ миле, не вянула“.

— Чи до X. за границю такъ далеко? Чи зъ X. мы не будемъ могли часто видѣтись? Тато были тамъ. Тато пôзнали родину Николая, и казали, що такъ она мила и добродушная, якъ и самъ Коля. Посередъ добрыхъ людей, будучи женою доброго мужа, чейже не буду такъ тужити, щобы вянути и гинути, сказала Оля споглядаючи съ надѣею на ôтрадное слово на своего батька.

— То що бачилъ я во время двохъ моихъ визитъ въ домѣ купця Григорія въ X., сподобалось менѣ дуже. Состояніе торговлѣ Григорія свѣтлое. Единственная донька купця уже замужна и звѣнована, а все, досыть значительное имѣніе его, перейде на единого сына, Николая, который въ купецтвѣ велику практику мае. Если будетъ все такъ хорошо вести торговлю, якъ проваднлъ ю до теперь отецъ, а передъ нимъ дѣдо Василій, то благобытъ былъ бы для тебе убезпеченъ. Одно лишь може насъ всѣхъ непокоити, а се то, що выходячи замужь за Коля, мусишь пôйти за границю.

— Однакъ въ X. не треба ѣхати повозкою, а желѣзницею можна тамъ дôстатись за пару годинъ, додала Оля.

— Га! если возможешь съ тымъ освоитись, що пôйдешь про судженого за границу то уже виджу я якое влеченіе серця твоего до него. Уже не останется намъ ничь инного якъ просити о Божое благословеніе для твоего съ Кольомъ союза.

II.

Было се третяго дня по новôмъ роцѣ 1904 року, якъ заповѣлъ Николай, сынъ купця Григорія, свôй пріѣздъ въ дôмъ директора щадничой касы въ Т.

Николай, числившій тогда 27 лѣтъ, резервовый офицеръ россійского войска, а купецъ по званію, пріѣздилъ часто въ нашу Галичину, до бôльшихъ мѣстъ въ справахъ своей торговлѣ, бо доставлялъ многимъ нашимъ купцямъ товаръ выробôвъ мѣстцевыхъ и зъ окрестности Х.

Одного разу, мешкаючи въ гостинницѣ пôдъ трема коронами, дался Николай намовити купцями мѣста Т. взяти участь въ танцовальнôмъ вечерку въ касинѣ. И на тôмъ

то вечерку пôзналъ Николай директора Константина и его доньку Ольгу. Она сподобалась ему зъ первого погляда такъ дуже, що выробилъ собѣ позволенье за посредничествомъ знакомыхъ купцевъ. бывати въ домѣ директора. Черезъ рôкъ 1903 бывалъ ôнъ тутъ часто, каждый разъ, коли гостилъ въ Т. Любезнôсть, съ якою принимали Николая въ домѣ директора, склонила его (Николая) такъ сильно повліяти просьбами на директора, що посѣтилъ тойже два разы его родителей въ Х. Посѣщеніе директоромъ родины Николая было для его намѣренія необходимымъ. А намѣреніе тое рѣшился Николай обявити днесь, для того заповѣлъ на днесь свôй пріѣздъ.

Точно о 5 годинѣ заѣхавъ передъ домикъ директора фіякеръ и выскочилъ зъ него Николай. Якъ всегда такъ и сегодня приняла родина директора Николая сердечно и щиро. Передъ самою вечерею сдѣлалъ Николай предложеніе, — ôнъ попросилъ о руку Ольги, а когда на поставленый родителямъ вопросъ, що думае она зробити съ предложеніемъ, Оля Николаю руку подала, совершились ихъ заручины, — родители поблагословили дѣти, и такъ убôльшилось родинное счастье...

Два дни гостилъ Николай въ домѣ своего будущого тестя. День свадьбы не былъ

теперь еще уложенъ, бо хотѣлъ що до той важной хвилѣ Николай порозумѣтись впередъ съ своими родителями.

Въ двѣ недѣлѣ по заручинахъ прибылъ Николай до своей нареченой съ своимъ батькомъ. Справа одруженія Николая съ Ольгою была обговорена теперь основно, но показалось всѣмъ, що для переведенія всѣхъ потребныхъ формальностей про короткіи мясницѣ може ôтбытись вѣнчаніе лишь по великодни, а именно во вторникъ по Ѳоминой недѣлѣ. По той умовѣ стали обѣ родины приготовлятись до свадьбы.

III.

«Расточи языки хотящыя бранемъ».
(Пс. 67.)

„Святый спокою — гараздъ съ тобою"; Се приповѣдка; она складаесь лишъ изъ 4 слôвъ, но губина мысли въ ней такъ велика и широка якъ причина, про котору она повстала. Былъ спокôй на свѣтѣ въ житію людей, то былъ въ тôмъ спокою и гараздъ, а коли заколотился спокôй людской жизни

всякими спорами, гнѣвами, и меньше та бôльше грозными процесами, тогды нагадали собѣ люди добро изъ мирныхъ часôвъ, затужили за нимъ и зложили приповѣдку: святый спокою — гараздъ съ тобою. Тота приповѣдка мае однакъ не лишь задачу пригадати людемъ счастливое житіе изъ мирныхъ временъ, но и поучити ихъ, що будутъ и въ будуще жити счастливо, если не позволятъ спокôй собѣ заколотити, и если не припустятъ до себе несгоду, борьбу и вôйну. — Господи! Якъ же любо было смотрѣти на спокôйно плывущое житье въ домику директора въ Т. и въ мешканю купця Григорія въ Х! Тымъ двомъ родинамъ жилось не лишь для того хорошо, що были они собѣ людьми честными и миролюбивыми, но и для того, що въ округъ нихъ жили люди въ загально мирнôмъ часѣ. Если проявлялись подекуда якіи несгоды, споры и заколоты, то были они лишь короткотрвалыми и въ ширшій кругъ людей незаходящими. Правда, що повстаютъ и тамъ смуты, слезы, рыданія, болести, терпѣнія, горести, а часомъ и пролятія крови и утрати житья, где проявились въ малôмъ размѣрѣ неспокôй, бійки и убійства, но если настане причина неспокою на цѣлый край, на цѣлу державу, или на бôльше державъ, а може и на половину свѣта, тогда горю людей нѣтъ

предѣла, — всюда плачь и рыданіе, терпѣніе и гибель; терпѣніе неповинное, а гибель предвчасная, и то гибель всего найкрасшого и найлучшого!..,

Тогда, коли гостилъ Николай съ ôтцемъ въ домѣ директора, щобы обговорити цѣле дѣло свадьбы, было усовѣтовано и се, що пôйде съ початкомъ св. великого поста кухарка ôтъ директорôвъ служити въ домѣ купця Григорія въ Х. зъ двохъ причинъ; разъ для того, що въ Х. дуже трудно о кухарку, а другій разъ для того, щобы мала Ольга, коли прійде въ Х, при собѣ добре знакому особу изъ Галичины.

Наймичка директора была донькою извѣстной намъ изъ вступного слова селянки Ганны. Ей было имя Варвара. Она была честна и розумна дѣвка. У директорôвъ служитъ она уже третій рôкъ и научилась тутъ добре кухарити. Она брала добрую платню и запомагала своихъ родителей дуже. А понеже нiякое мясо не любила родина директора такъ, якъ мясо зъ добрыхъ курей, чи вареное въ росолѣ, чи печеное, то просила мати Ольги матерь Варварки, щобы каждый разъ, коли прійде до мѣста, принесла имъ зъ села на продажь кôлька курокъ. Одна изъ курокъ, що хотѣла ю Ганна занести до директорôвъ, зôстала случайно забита. Постаравшись о пару

добрыхъ курокъ изъ сосѣдства, пôйшла съ ними Ганна въ Т. якось въ коротцѣ по отѣздѣ Николая и ôтця. Прибытіемъ Ганны утѣшились у директорôвъ дуже, бо мали съ нею о важной справѣ поговорити. Директоры обѣцяли дати Варварку до купця въ Х., и сама Варварка согласилась на се охотно, но треба было еще согласія родителей Варварки а кромѣ того еще наймички новои. Варварка мала сестру Пазю, о два лѣта молодшую, но треба было просити Ганну о приведеніе на службу Пази на мѣстце Варварки. Ганна, выслухавши рѣчь о призначенію Варварки въ Х. и о требованію Пази на службу спротивлялась съ початку такому предложенію, но коли пояснено ей всѣ корысти ôтъ добре платной службы въ Х. и ôтъ наученія ся кухарства Пазею у директорôвъ, помякля Ганна и обѣцяла при кôнци мясниць привести для директорôвъ Пазю, щобы могла ôтправитись Варварка съ началомъ поста въ Х.

И такъ складовалось всьо къ предстоящому счастю Ольги Константиновны якъ найлучше.

Но доки надôйшолъ день ôтѣзда Варварки сталось въ свѣтѣ въ початкахъ мѣсяця лютого що-то великого, потрясшого и заинтересовавшого всѣхъ; Японія выповѣла Рос-

сіи вôйну! И въ тôй хвилѣ, якъ лишь стала вôйна выповѣджена, полялась христіянская кровь на россійскихъ корабляхъ пôдъ Портъ-Артуромъ ôтъ арматныхъ куль поганскихъ японцѣвъ! На тую вѣсть зворушилась вся Россія, ба! — и цѣлый свѣтъ.

Такая вôйна, якъ вôйна Россіи съ Японіею, вôйна державы на 150 миліонôвъ душь съ державою на 50 миліонôвъ жителей, — вôйна державы абсолютного правительства съ державою конституційного устройства, — вôйна двохъ державъ, ведущихъ со всѣми державами торговлю на великіи розмѣры, не могла незаинтересовати всѣхъ. На видъ по договорамъ на письмѣ, зголосили всѣ державы свою неутральнôсть для воюющихъ сторонъ, на дѣлѣ однакъ вмѣшались всѣ державы тайнымъ способомъ до вôйны о стôлько, о скôлько уважали за потребне и корыстне для себе въ особенности, а для пôддержанія свободы жизни людей въ загалѣ.

Особенно широкое поле для попису ôткрылось для всѣхъ газетъ. Вялость жизни людей для нихъ — банкротство, а такая рѣзвость рухливости, якая происходитъ зъ вôйны, то для нихъ хорошій интересъ для богатого жнива.

Про выповѣджену японцями вôйну заволновалась вся Россія, всѣ въ ней живущіи племена, а всѣ ôтмѣнно, по своимъ характерѣ, положеню и интересѣ.... Коренна Русь воспалала патріотизмомъ и кликнула однымъ гласомъ: „Мы не хотѣли вôйны; мы дѣлали, що лишь можь было, щобы всѣ спорнî точки съ Японіею мирнымъ способомъ уладити, но коли забажала Японія вôйны, то мы справимъ ей разъ-два такую лазню, що она уже не опамятается. Наше оружіе было все славне, оно вславится и теперь". Иншî племена говорили о наставшой вôйнѣ по своему, якъ собѣ хотѣли, но до веденія вôйны мусѣли ставати якъ и русскіи люди въ силу державного закона. Найцѣкавѣйше заявились що до вôйны жиды; — они зôгнали храбрость въ пяти и дали ногамъ знати на жизнь за границею! Въ Америку утѣкло ихъ 75.000! О стôлько будетъ въ Россіи ихъ меньше, — о стôлько нравственность бôльше пôднесесь.

Россійское правительство принялось серіозно за мобилизацію потребного на вôйну войска. А понеже началась вôйна ôтъ моря, пôдъ русскою крѣпостію Портъ-Артуръ, то рѣшило правительство заосмотрити тую крѣпость во всьо потребное. Пламень вôйны зворушилъ и правительство и жителей Россіи, но скоро обвѣщено мобилизацію войска, тог-

да заговорило у всѣхъ сердце: чувство — любовь родинная, — нервъ вытальный (житейскій) каждого военного, и бажанье родинѣ сохранити своихъ дорогихъ при жизни.

Що говорилъ розумъ, що требовалъ загальный интересъ отечества, всьо то пôйшло въ куть, а выступили на порядокъ дневный слезы, рыданія, ôтчаяннû восклики, ломаніе рукъ и омлѣванья...

Въ домику директора заинтересовались вôйною всѣ о стôлько, о скôлько связь ихъ съ заграницею яко людей въ загалѣ, а яко интелигентныхъ лицъ въ особенности заинтересовати могла. Близшого интересу для вôйны они не предполагали. Но въ тôмъ получаютъ они письмо ôтъ Николая, письмо преисполнене смуткомъ ôтъ початку до кôнця. Его покликали ставати въ ряды резервистôвъ мающихъ ôтправитись беспроволочно на театръ вôйны, а се въ самъ Портъ-Артуръ! „Свиданіе мое съ Тобою, мое неоцѣнное сокровище, моя вседражайшая Олю, муситъ наступити на дняхъ безусловно, но поѣхати менѣ въ Т. уже невозможно! Ты мусишь приѣхати сюда, если такъ любишь мене, якъ полюбилъ я Тебе. А щобы могла ты сюда приѣхати, просятъ мои родители Твоихъ о беспроволочный приѣздъ съ Тобою. Ôтмовности не предполагаемъ. Судьба злучила наши серд-

ця; она хоче химерно розлучити насъ, но чей же не на долго! Вôйна будетъ короткая. За фортами и всякими другими укрѣпленіями будемъ мы, крѣпостны воины о много безпечнѣйшіи якъ въ бояхъ въ чистôмъ полю. Ты, мôй Ангеле, и всѣ наши рôднû, поможете менѣ своими теплыми молитвами, вернути домôвъ воиномъ-героемъ и здоровымъ, а тогды заживемъ счастливû на славу“.

Тотû слова читала Ольга затревожена до крайности, зливая письмо потокомъ слезъ. — Прочитавши письмо звалилась она на софу полумертва...

Родители Ольги, читаючи свое письмо ôтъ свата Григорія, засмутились и собѣ дуже. Мати кинулась до полумлѣлой доньки и возридала. Ей завторила въ голосъ Евгенія...

Подôбно якъ заболѣли сердця въ родинѣ директора про вôйну, заболѣли сердця въ стотысячныхъ русскихъ родинахъ. Но годѣ; — всюда мы заглянути не можемъ, а такъ и не можемъ помѣрити степенъ жалости ихъ и болести теперь, лишь при самой мобилизаціи войскъ, щожь буде потôмъ, коли розиграется вôйна цѣлою грозою, и коли начнуть приходити газетнû и приватнû вѣсти зъ поля битвъ?

IV.

Человѣкъ живе, возрастае, учится трудится, стремитъ; ôнъ видитъ свое оточеніе и свои ôтношенія, и починае ôнъ думати и предполагати, що судьба его такая и такая. Однакъ, скôлько то разъ бывае такъ, що змѣняются ôтношенія человѣка ненадѣянно и нагло такъ дуже, що и судьба постигае его совсѣмъ ôтмѣнная, ничимъ непривиджена!

Въ листѣ купця Григорія къ родителямъ Ольги была и дописка що до службы Варки. Они просили, щобы прибула она въ ихъ дôмъ не ажь съ началомъ св. поста, лишь сей часъ, бо роботы пропасть, а рукъ страхъ мало.

Директоръ Константинъ, его жена, и всѣ ихъ дѣти, были людьми сердечными, учинными и благодарными, то рѣшили они не ôтмовити въ ничимъ просьбамъ купця Григорія и его сына Николая.

Третяго дня по полученію письма поѣхала Варка желѣзницею въ X. Вкоротцѣ за нею мали выбратись въ X. обое директоры съ Ольгою. Приготовленія до той дороги дѣлались поспѣшно, но всесторонно бо не хотѣлъ директоръ показатись съ женою и донькою въ домѣ богатого купця несоотвѣтно.

Въ домѣ купця подобалось Варцѣ всьо ôтъ первой хвилѣ, бо увидѣла она тамъ богатство и великія порядки. Жениха панны Ольги ледво пôзнала она въ офицерскôмъ мундурѣ. „Тото буде радоватись панна Оля, коли побачитъ своего нареченого“, думала собѣ Варка, „якій ôнъ теперь стройный и красивый!“ Но кромѣ той змѣны, що застала Варка молодого пана въ офицерскôмъ мундурѣ, стрѣтилась она тутъ еще съ одною новостію, о которой ей дома не говорено: она застала въ передной комнатѣ молодого пана, его денщика, Бориса. Сей денщикъ, то молодецъ якъ писанка; бѣлявый, румяный, съ чорнымъ иноще засѣявшимся вусикомъ, чорными бровами и чорнымъ, коротко стриженымъ волосомъ и съ чорными очима, якъ бы двома блискучими чорными тарками. Бачила Варка и въ своимъ селѣ красивыхъ молодцѣвъ, а въ Т. стройныхъ и гожихъ жовнѣрикôвъ, но такь красивого молодця, якъ Бориса, не бачила она нигде. А якъ представилась Борису Варка? А треба знати, що была она собѣ дѣвицею якъ цѣкавою до роботы и науки, такъ и дуже красивою. Въ рôднôмъ селѣ Варки и въ Т. шкодило Варцѣ ей убожество, про которое честность, трудолюбіе и краса ишли мало въ росчетъ, бо научились теперѣшнѝ женихи, потерявшіи поэзію и добрый вкусъ,

смотрѣти лишь за вѣномъ дѣвицъ! Но Борисъ, побачивши Варку, сталъ якъ вритый зъ удивленія надъеи красою. Черезъ 3 — 4 дни, смотрячи на Варку и на еи роботу-споручнôсть въ кухнѣ и въ комнатахъ, влюбился ôнъ въ ней до безпамяти. Рôвно сильно влюбилась Варка и въ Борисѣ, но всетаки умѣла она, коли четвертого дня денщикъ въ любвѣ ей признался, сказати слѣдующое: „Що же намъ зъ нашой любови. коли идешь ты на вôйну!“ На то примѣчаніе ахнулъ Борисъ зъ глубины души, но обнялъ Варку нѣжно и сталъ ю тулити до сердця. Варка не вырывалась, но плакала, а Борисъ заплакавъ тоже И якъ же погодити шуканье доли, милое пôзнаніе, возгорѣвшую пламенную любовь, стараніе о обезпеченіе будущности съ походомъ на — страшную вôйну?!

V.

Въ суботу пôдъ мясопустную недѣлю приѣхали въ дôмъ купця Григорія директоръ съ женою и донькою.

Впечатлѣніе ôтъ ихъ приѣзду было такъ сильное и великое, що на добру часину вôйна забылась всѣми.

Восхитилися собою не лишь Николай и Оля, а ихъ любовію и своею щиростію и ихъ родители порадовалися прибытію гостей изъ Галичины также Борисъ и Варка. Тоті последниі обое оправдовали свою любовь тѣмъ, що вôльно имъ любитись про вôйну, если люблятся ихъ молодіи хлѣбодатели, Николай и Ольга. . .

По первôмъ впечатлѣнію ôтъ прибытія дорогихъ гостей ко дорогимъ хозяямъ, послѣдовили рефлексіи, т. е. поневольни образумленія. На вторникъ сиропустной недѣлѣ была назначена ôтправа Николаевого полка на вôйну. До той поры треба было оговорити основно всѣ точки отношенія Николая до Ольги и наоборотъ.

О тôмъ, щобы розôрвати про вôйну союзъ Николая съ Ольгою, не прійшла въ голову нукому гадка. Що злучила судьба, що злучилъ Богъ, человѣкъ да не розлучаетъ.

Купецъ Григорій научился трактовати всѣ справы серіозно и выразно, а того научився въ своимъ званію и директоръ. А що урадили въ способѣ практичный родители, то приняли влюблени дѣти за добру монету.

Торговля Григорія была велика. Въ ней дѣйствовалъ не лишь самъ Григорій съ сыномъ и помôчникомъ, но часто дуже мусѣла

помагати въ торговлѣ, чи то при товарѣ, чи при касѣ, и его жена.

И що же станется теперъ съ торговлею, если пôйдетъ на вôйну Николай, а вкоротцѣ за нимъ вѣроятно и помôчникъ?! Зменшити торговлю на половину, значило бы стôлько, що обявити ю упадающою, се было бы для будучности чимъ то найгôршимъ. А понеже вся велика торговля Григорія, по звѣнованю старшой доньки Лидіи, выйшовшой замужъ за инжиніера, призначена была для Николая, то тѣмъ самымъ мала она статись и власностію его будущой жены, Ольги.

Изъ взгляду на удержаніе славы и хосенности торговли мала остати Оля уже сейчасъ въ домѣ своихъ будущихъ свекрôвъ послѣ торжественныхъ поправинъ заручинъ въ присутствію своякôвъ и друзей Григорія. Торжественнî заручины Николая съ Ольгою ôтбылись въ вечеръ въ мясопустную недѣлю. Заручины тотî мали внести въ дôмъ, въ родину Григорія также въ родину директора веселіе и счастье, но мимо щирости въ изявленію чувствъ со стороны обохъ родинъ, мимо искревныхъ благожеланій ôтъ сродникôвъ и друзей, и мимо изобилія яствѣй и напиткôвъ лучшого сорта, царила на торжествѣ якаясь то надто велика повага, а одновременно и тревожность, которую однакь никто въ сло-

ва одѣвати не брался. Тая повага и тревожнôсть походили ôтъ неминуемой должности идти — на вôйну.

Одновременно, якъ совершался важный родинный актъ въ комнатахъ жилища купца Григорія присягнули собѣ вѣчную любовь въ кухнѣ Борисъ и Варка. „Долю нашу — судьбу, здаймо на Бога“, казали собѣ влюбленû, а далеко гадками и плянами не сягающіи дѣти природы.

VI.

Николай и Борисъ, съ тысячами другими поѣхали на вôйну. Мое перо не берется описувати трогательну, сердце роздирающую хвилю пращанія ними своихъ дорогихъ дома, въ своимъ кружку, безъ свѣдкôвъ чужихъ очей; я не берусь даже описувати то, що дѣялось на двôрцяхъ, где собирались воины, щобы всѣдати до потягôвъ. Воины хотѣли показатись патріотами и мужественными и придавляли въ собѣ взривъ жалю и теченіе слезъ, но бôльша половина пращающой ихъ публики давала рыданію и ôтчаянію повную волю. И не див-

но! Працати своихъ дѣтей, братею, друзей, милыхъ, даже и мужей, идущихъ на вôйну здоровыми и цвитущими, значитъ працати ихъ на всегда, на смерть, или — въ найлучшôмъ случаю на поворотъ въ страшнôмъ калѣцтвѣ!

Скôлько стояло въ Манджуріи, Владивостоцѣ, въ Портъ-Артурѣ на суши и пôдъ тою крѣпостію на морю русского войска! А скôлько то войска призначено еще тамъ, больше якъ пôвъ миліона! А всьо войско одѣто и заосмотрено во всѣ потребы ôтлично и богато даже! Кораблѣ, зъ которыхъ стоятъ однû найменше по 7 миліонôвъ, рублей а другіи по 10, 15 и 20 миліонôвъ, выглядаютъ якъ сказано прекраснû палаты. А то прекрасне предорогое и на видъ такъ славное вôйско на суши и на морю призначене на загибель, на жиръ куль, стрѣльбъ, арматъ; на жиръ штыкъ и сабель, — на жиръ птацтва и дикихъ звѣрей, на жиръ морскихъ рыбъ!

А тѣмъ часомъ, коли выдае держава пôдчасъ вôйны на удержанье воинôвъ по 10 коронъ на день на каждого, — дома, по мѣстахъ и селахъ, миліоны людей не маютъ на день и покопѣйцѣ; не маютъ и по куску чорного хлѣба; ходятъ босы и въ лохмотю; голодуютъ до крайности и мерзнутъ до плачу и рыданія. Для нихъ гроша нѣтъ, а на свѣтлость войска,

признаценого на загибель, есть Миліарды! Изъ розличныхъ мѣстць подорожи желѣзницею въ Европѣ посылалъ Николай письма до Ольги и въ Т. звычайного, короткого содержанія. Довгое письмо надослалъ ôнъ ôтъ Байкальского озера. „Ѣзда воинôвъ черезъ Сибиръ“, писалъ имъ „рôвнается вôйнѣ обереденой на тихій способъ моренія и убиванія людей. Уже ѣдемъ мы три недѣлѣ съ половиною въ крайной тѣснотѣ и невыгодѣ, майже якъ бы скотина, а еще ѣхати бы такъ бôльше якъ три недѣли! И якіи же прійдемъ мы на вôйну? Якъ змолоченый цѣпами. Що же то за системъ предвидѣти вôйну въ краю, ôтдаленôмъ на 12.000 верствъ (1715 миль) и не спровадити тамъ войско и всьо прочое поволи, заблаговременно, щобы и державное дѣло обезпечити и найлучшихъ пôдданыхъ не выставляти безъ потребы на терпѣнія“?

Письмо наданное Николаемъ на желѣзнодорожной стаціи Пулляндань гласило: „Сердце всѣхъ воинôвъ товчеся живѣйше; всѣдаемъ до потягôвъ, що маютъ насъ привести въ самъ Портъ-Артуръ. Чи не станется съ нами въ Портъ-Артурѣ такъ, якъ дѣялось во всѣми французами, заключеными въ страшный криминалъ „бастилю“? Кого тамъ введено, тотъ не увидѣлъ уже Божого свѣта. Одна надежда на Бога и на славу русского оружія. Не

повинни бы наши генерали допустити до того щобы ôтрѣзали японцѣ нашу крѣпость ôтъ сообщенія ся съ всею русскую арміею“.

Интересное письмо получила Ольга изъ самого Портъ-Артура. Оно гласило: „Предмете мыслей моихъ! Едина моя Олю! И такъ я уже на мѣстци. Якое неправдивое слово мусѣвъ я теперь высказати! Якъ могу я сказати, що въ Портъ-Артурѣ я на мѣстци, коли на мѣстци доперва буду тамъ, где Ты мôй Ангеле живешь... Но годѣ; Мусъ великій панъ; по повелѣнію правительства есмъ на мѣстци. Мѣстъ Портъ-Артура есть два: старе и нове мѣсто. До 1880 року було се мѣстце звычайнымъ, бѣднымъ селомъ. Китайцѣ перетворили то село въ крѣпость при помочи нѣмецкихъ и французскихъ инжиніерôвъ Роботы коло крѣпости тягнулись 12 лѣтъ, и стояли 200 миліонôвъ коронъ. 1894 року взяли японцѣ Портъ-Артуръ штурмомъ, но ôтступили его потôмъ Россіи. Но понеже японцѣ, забираючись зъ крѣпости форты и варстаты опустошили, мусѣли россіяне вложити въ обновленіе крѣпости страшно великую суму рублей.

„Война точится уже постоянно, Людская кровь проливается струями. Пощады, пожалованѣ не маютъ ни японцѣ для русскихъ, ни

русскіи для японцевъ. Рŷсскіи и японскіи корабли, милiоновŷ сокровища, идутъ про картечѣ и бомбы и про мины на дно моря, а съ ними гинутъ найхрабрiйшіи воины, — доблесть ученôсть и слава людей. Газеты читаешь, то и не потребую тобѣ доносити кого изъ нашихъ нема уже въ живыхъ. Торговля ведется тутъ еще правильно и спокôйно. Говоримъ всюда по русски, но треба часомъ заговорити и по японски. „Мѣсто называется по японски — ко; сонце — нi; берегъ — гама; островъ — шiма; ворота — кадо; золото — кiнъ; гора — шанъ; чорный — куро; столиця — кингъ. Пять день были мы заняти тѣмъ щобы прiйти въ порядокъ, теперь заняти мы строенiемъ фортôвъ и стрѣльбою зъ верхôвъ на долину и зъ долôвъ на верхи. Климатъ тутъ теплый, меньше бôльше такiй якъ въ Мадритѣ, Неаполѣ и Цареградѣ. Въ лѣтѣ мае тутъ пановати невиносимая жара.

Коли прислухаешь ся о торговôмъ руху съ японiею, то чуешь названiя мѣстъ, которŷ межи собою мало що розличаются, н. пр.: Помiока, Ушiбука, Кадiкi, Небеока, Ишiкi, Изашiкi, Кiзукi, Усукi, Сапкi, Шимоносекi, Фукi, Осака, Сака, Вака, Нагазакi, Агасакi, Кимасакi, Сузакi, Шикакi, Кiтсукi, Савiк и т. д.

Банды приграваютъ часто на публичныхъ мѣстцяхъ. Люди вмавляютъ въ себе, що суть они потребнî для пôддержованья бодрости, но по правдѣ говорячи суть тотî банды злосливою шуткою надъ людскою недолею. Дня 10 марта бомбардовали японцы нашу крѣпость страшнымъ способомъ. Одна граната упала передъ домомъ адвоката Сидоровского, причêмъ жена полковника Транка была осыпана черепами гранаты. Ей доньцѣ урвали черепы гранаты голову, а Сидоровского убили на мѣстци. Раненая въ грудь дѣвица Валерія умерла въ больницѣ. Отъ той самой гранаты погибъ также одинъ китаецъ, а пару людей получило опасны раны.

Если творится такое уже теперь, чого же надѣятись на потому! Но вступае въ насъ лучшій духъ на вѣсть, що получае головную команду надъ россійскимъ войскомъ генералъ Куропаткинъ. По описамъ японцêвъ дома, думалъ я, якъ и всѣ, що пôйдетъ вôйна съ японцями разъ-два, теперь же мушу сказати, що сутъ японцы завзятымъ, заѣлымъ, въ военнôмъ искуствѣ хорошо тресованымъ и опаснымъ войскомъ".

Въ Х., въ торговлѣ купця Григорія, рухъ якъ звычайно великій, а може бôльшій якъ бывало. Не видѣли покупщики въ торговлѣ

Николая, но начали видѣти Ольгу, сынову купця-магната и дѣвицу-магнесъ. Ольга уважала себе уже членомъ роди́нѣ купця; она брала уже дѣятельную участь въ веденію торговлѣ и усвоилася съ занятіями при выдаваню товарôвъ и при касѣ. Она замѣтила и то, що намагаются многіи покупщики принимати товаръ изъ еи рукъ. За довѣреніе и любезнôсть гостей, старалась и она быти якънайбôльше чемною для покупщикôвъ. Въ торговлѣ увидѣла себе Ольга необходимою, бо помощника взяли до войска и на вôйну!

Поволи стала сближатись весна и великій праздникъ памяти Христового воскресенія. На „Дальній Востокъ" выслано „Пасхальный поѣздъ" по московско кіевской желѣзной дорозѣ, а дальше моремъ. Отъ купця выслано великій пакунокъ Николаю.

Лишь въ торговлѣ про неустающіи требованія покупщикôвъ не говорено про Николая и судьбу его на вôйнѣ. Но скоро находились члены родины Григорія дома, при кушаню или по якôмь иншимъ случаю, завязовалась сейчасъ бесѣда о вôйнѣ и о Николаю, а маесь розумѣти и о Борисѣ, неôтступнôмъ товаришу жизни Николая гень-гень на чужинѣ а жениху вѣрной кухарки Варки. Веселости въ бесѣдахъ не было ніякой, а часто бывали

слезы и слезы, но держалась вся родина по можности якъ найбодрѣйше плекаючи надѣю що перейдетъ вôйна благополучно для Россіи, и що вернутъ домовъ дорогіи лица безвредны. Въ великôмъ руху переходитъ часъ скоро и сближился уже праздникъ Сошествія св. Духа.

Въ святую недѣлю (въ зеленѝ свята) въ вечеръ, въ гостинной комнатѣ купця Григорія сидитъ въ округъ великого стола бôльшое число гостей, друзей и кревныхъ, а межи ними и донька Лидія съ мужемъ. Цѣлый розговоръ гостей кружилъ коло справы вôйны. Розговоръ былъ дуже поважный а заразомъ и смутный що до содержанія такъ що до вѣстей зъ театру вôйны, якъ и що по внутренныхъ справъ державы, мающой въ собѣ надто много недостаткôвъ въ системѣ дѣловодства чиновничого и войскового!

Товаришъ по купечеству Григорія, Семенъ Петровичъ, розсказалъ о своимъ братанку, повернувшôмъ изъ вôйны слѣдующое: Вы знаете всѣ, що то за любый былъ человѣкъ, тотъ мôй братанокъ, Глѣбъ. Вы знаете съ якимъ самоотверженіемъ воспитовала его мати вдова до академическихъ студій, щобы на старôсть найти у него пріютъ и подпору. Академическіи студія помôгъ я ему кôнчити; до обнятія чиновничой посады мешкалъ онъ у

мене, бо я хотѣлъ бѣдной вдовѣ улегчити тягаръ воспитанія единака. И замешкала уже мати-вдова у свого любого и доброго сына радуючись его и своему счастю, а тутъ о горе покликали и его на вôйну! Ôнъ былъ въ страшнôй битвѣ при устью рѣки Ялу, коли 12.000 японцѣвъ высадилось на сушу. Наши побѣдили, но Глѣба ранили. Его забрали зъ поля битвы изъ помежи тысячныхъ мертвыхъ и раненыхъ, раненого въ правую руку и въ грудь. Страшна была для него хвиля битвы посередъ неслыханой суматохы и неслыханого грохоту ручниць и канонъ; страшнѣйшою была хвиля лежанія на полю, збагреной людскою и кôнскою кровію посередъ тысячныхъ трупôвъ и страшно стогнущихъ калѣкъ, но найстрашнѣйшою была хвиля збираня трупôвъ и раненыхъ а именно спосôбъ того збираня. Впередъ ишла до каждого жолнѣра комисія, щобы розсудити кого маютъ носильщики взяти въ больницю, а кого на погребеніе. Призначеному до больницѣ припинала комисія бѣлый знакъ, а призначеному на погребеніе чорный. Тая робота ишла такъ поспѣшно и поверховно, що дôсталось на погребеніе безсомлѣнно много воинôвъ тôлько твердо заснувшихъ а не умершихъ! Страшна и гôрка то правда, однакъ правда, поразившая потôмъ

неодного, но необразумившая никого! Моему братанку, лежавшому безъ сознанія припяла комисія бѣлу картку, чому, незнати! Чи тому, що узнала его еще немертвымъ, чи тому, що пôзнала въ немъ храброго офицера! Въ больницѣ привели моего Глѣба въ сознаніе и вылѣчили его, та що ему изъ житя! Ôнъ днесь безъ правой руки съ вѣчно болѣющою, пригоеною раною въ груди: своей матери вмѣсто пôдпоры — неперебутый тягаръ. Вотъ якіи нелюдскости и тяжести житя выкликуе и производитъ вôйна?

Пôдчасъ того розказа плакали всѣ присутствующіи. Ольга розрыдавшись, пôйшла въ свою спальню... Варка, прислухавшись розсказови пôдчасъ послуги при столѣ, заплакала сердечно въ своимъ кутику говорячи собѣ: „Що буде съ моимъ Боркомъ, если зôстане раненымъ? Онъ не офицеръ!“ Гостѣ повставали ôтъ стола и посѣдали групами, щобы въ тихости дальше о тягости вôйны говорити. Лидія побѣгла потѣшати Олю. Въ тôмъ вôйшовъ въ гостинну листоношъ. Ôнъ зналъ, що потѣшитъ родину листомъ, то не державъ до другого дня, лишъ принесъ заразъ. И получила Ольга ôтъ Николая письмо, до котрого всѣ домашнѝ и гостѣ сновъ до купы собралися.

Письмо обнимало три листовѝ карты. Прочитавши первѝ двѣ стороны касающіи ся

справы сердця, подала Оля дальшое письмо будущому шурыну ко прочитанію въ голосъ.

„Посередъ печали и горя, мали мы, русскіи воины, проживающіи ôтъ родимой стороны якъ бы на другôмъ свѣтѣ, великую радôсть бо въ самый великій пятокъ приглашено насъ въ головный дôмъ гарнизона, щобы ôдтобрали мы собѣ ôтъ родинъ надосланû пасхальны пакунки. Вжежь то правда, що потрясающо пріятное вліяніе мае великдень со своими обрядами, звычаями и дарами, на всей Руси, но когда розвинули мы наши пакунки, и побачили передъ собою тутъ въ Портъ-Артурѣ, въ нашихъ нужденныхъ касарняхъ, наши русскіи паски, яйця, писанки, и прочіи великодни „снѣды“ то мы, — мы загартованû! засталенû воины, — мы розплакались ôтъ умиленія и радости якъ малû дѣти.

„Въ сѣчню, въ лютôмъ и въ первôй половинѣ марта бываютъ тутъ сильнû вѣтры ôтъ пôвночи съ снѣжными метѣльницями, но ôтъ половины марта и черезъ цѣлый цвѣтень пригрѣвае тутъ солнце порядно и радуются люде краснымъ веснянымъ днямъ, если не появляются туманы, такъ дивнû и густû туманы, о якихъ мы дома понятія не маемъ. Тотû туманы дѣлаютъ плаваніе кораблей на морю не возможнимъ. Корабель застигнутый

на морю такимъ туманомъ, муситъ выкинути якорь на такъ долго, якъ долго туманъ не уступится. Подчасъ такого стоянія въ туманѣ муситъ служба корабельна звонити, ревѣти и свистати, щобы не наѣхалъ на корабель другій засмѣлый корабель. Ѣхати въ таком̑ъ туманѣ небезпечно и за компасомъ, бо легко можна наскочити на скалы або ударити до якого берега. Мусятъ про то терпѣти наши моряки не лишъ о̂тъ врага-япочика, но еще и грозы природы!

„Въ великодный праздникъ стояла надъ Портъ-Артуромъ хорошая погода. Мы, свѣдомы того, що памятали о насъ щиро наши дорогіи особы зъ родимой стороны, сполняли веселѣйше нашу тяжку службу на всѣхъ стоянкахъ, зъ о̂тки врага о̂тбивати належало, а кто зъ насъ свобо̂дный былъ о̂тъ службы прохожался по улицяхъ, привикши до грохоту частыхъ выстрѣло̂въ арматъ и паданя картачей, якъ бы ничь нигде злого не дѣялось.

„Портъ-Артуръ лежитъ на площады спускающой ся къ морю. Зъ трехъ сторонъ окруженъ о̂нъ горами, зъ четвертой же стороны сходитъ мѣсто долгою улицею до бухты. Площадь не забудована вся, но въ многихъ мѣстцяхъ ростетъ мѣсто якъ бы изъ землѣ. Видъ изъ мѣста дуже красный. Особенно пріятное

для насъ мѣстце коло „Пушкинской школы“; тамтуда любимъ проходитись.

„Но хоть якъ повліялъ на насъ ободрительно Великдень, письма и посылки ôтъ рôдныхъ, то все таки повисъ надъ нами якъ змороюю страшный случай съ неудачами нашой морской ескадры, а особенно случай гибели броненосца „Петропавловска“, адмирала Макарова и славного маляра Верещагена съ сотнею найлучшихъ офицерôвъ и около 600 воинôвъ низшихъ чинôвъ. Страхъ! За одну хвилю такъ велика невозвратимая утрата найкрасшого и найдоросшого корабля (20.000.000 рублей), готовыхъ грошей на 300.000 рублей и много высокоученыхъ и прекрасно вымуштрованыхъ воинôвъ! За ними перестали течи слезы очей, но слезы души нашой не перестануть плысти. Страшна мусѣла быти ихъ смерть, ихъ такъ здоровыхъ и нераненыхъ героивъ пôдъ водою! Они мали врага зломити и упокорити, а они пропали марно, на радôсть врага и то видится не ôтъ японской мины!

„Еще счастье для насъ великое, що командуе нами мужь такъ умный и мужественный, якимъ естъ генералъ Стессель. Но зъ той поры якъ отрѣжутъ насъ японцѣ совсѣмъ ôтъ головной нашой арміи, ôтъ возможности подаваня намъ пôдкрѣпленій свѣжими пол-

ками и запасôвъ хлѣба и амуниціи, гôрка будетъ наша доля и непотѣшна судьба крѣпости а се тѣмъ бôльше, що забрано зъ ôтсы незнати по якимъ плянамъ до Ляоляна и Манджуріи великую часть нашой силы.

„Кромѣ всего недостатка, якій будемъ мусѣли терпѣти для сохраненія ощадности въ провіянтѣ, докучитъ намъ найбôльше недостатокъ возможности вести кореспонденцію съ нашими дорогими!

„Сей недѣлѣ настали у насъ вже новû порядки. Мôй хорошій Борысъ не есть уже лишь моимъ денщикомъ (офицерскимъ слугою), ôнъ муситъ бывати и рядовымъ воиномъ, бо видимъ всѣ, що не можно тутъ бавитись въ пана зъ выгодами. Кому милое житье, стае вь ряды и учится руками, грудьми и помысломъ защищати крѣпость передъ страшнымъ и безпощаднымъ напоромъ японцѣвъ. Ихъ пропадае за кождою атакою що найменьше десять разъ стôлько, що насъ, но они не зважаютъ на то и стараются всякою цѣною забирати наши форты. Генералъ Ноги — опасный противникъ.

„Найбôльше розтроюесь мое сердце, коли загляну въ наши больницѣ. Господи! Тотû товариши, которû еще на дняхъ, вчера, такъ были здорови и геройски настроенû, выгля-

даютъ днесь якъ тѣнь — немощнî якъ рыбы выкинени на сушу и на жарь солнця, а они, на жаръ горячки ôтъ мерскихъ ранъ. Гôрка доля раненыхъ въ больницяхъ, а они бажаютъ выздоровѣти, щобы чимъ найскорше назадъ ставати въ строй для ôтбиваня врага. А що же маю я сказати о нашихъ лѣкаряхъ и о сестрахъ милосердія?! Докторôвъ ту около 130, но ихъ рѣшительно за мало. За мало тутъ и сестеръ милосердія. И докторы и сестры милосердія — они не люде, но настоящіи ангелы. Они трудятся надъ свои силы, якъ въ день, такъ и въ ночи. Они болѣютъ не исповѣдимо при операціяхъ раненыхъ воинôвъ, при перевязованю ихъ ранъ; они терпятъ много ôтъ нездорового воздуха коло раненыхъ; они мусятъ зносити еще много ôтъ гнѣву хорыхъ нападающихъ на своихъ добродѣевъ острыми словами въ горячцѣ или посередъ великого болю!“

„Страшно стояти человѣку середъ боевого огня, но не дай Богъ попасти мнѣ въ ряды больничныхъ калѣкъ!“

Прочое, що стояло въ письмѣ Николая, пропускаю.

До сдачи Портъ-Артура было повысшое письмо Николая послѣднымъ. Ольга, еи будущіи свекры и еи родители, болѣли промол-

чаніе Николая страшно, а такъ само болѣла и Варка, не получавшая вѣстки ôтъ своего Бориса.

Родители Ольги, а вжежь и еи будущіи свекры, болѣли не лишь про молчаніе Николая, но и про самую Ольгу, бо стала она такъ марнѣти, якъ бы западати мала въ чахотку. Ба! И чи не было причины до болѣзни душевной и тѣлесной? Любовь нахиляла мысли и чувства Ольги гень-гень въ Портъ-Артуръ до Николая, а обстоятельства говорили: ôнъ теперь не твôй, а може и не будешь его бôльше бачити! Дальше: Она замешкала въ домѣ купця Григорія якъ бы его сынова, а сыновою его може и николи еще не буде! И що будетъ съ нею, коли Николая на вôйнѣ убютъ? Тотî моральнî терпѣнія стали терзати и тѣло здоровой и крѣпкой Ольги, а такъ и знидѣла она на бѣду.

Минае лѣто, зближае ся осѣнь. На театрѣ кровавой вôйны совершаютъ ся страшны событія: Адмиралъ Скрыдловъ дѣлае незвычайны напады на японскіи кораблѣ пôдъ командою Камимура, но тѣмъ часомъ натираетъ японская фльота на русскіи корабли пôдъ Портъ-Артуромъ такъ сильно, що видна уже всѣмъ близкая гибель первой воен. рус. ескадры. Думае россійское правительство выслати свою

другую, балтійскою, ескадру, на ослону Портъ-Артура, но доки солнце зôйде роса очи выѣстъ. Комендантъ крѣпости, настоящій военный геній и герой, Стессель перетворяе всѣхъ своихъ воинôвъ и майже всѣхъ своихъ жителей старого и нового мѣста въ героевъ и ôтбивае въ пекельный способъ настигающихъ японцевъ такъ, що удивляется ему цѣлый свѣтъ. Всего на всего мае Стессель воинôвъ около 30.000, — войска японского падае ôтъ мѣткихъ стрѣлъ зъ Портъ-Артура, по 10, 15, — 20 и 30 тысячь, а такъ по кôлька разъ. Легло японцевъ за взятія крѣпости до пôздной осени уже около 100.000, то скôлько же може остатись въ Портъ-Артурѣ русскихъ воинôвъ изъ 30.000? Вѣсти изъ крѣпости доходятъ до царя лишь короткіи: „Всѣ атаки врага ôтбиты; состояніе войска прекрасне; будемъ битись до послѣдного". И будь же зъ того мудрый!

Велика сила японскихъ войскъ собираетъся коло Портъ-Артура, щобы тую крѣпость сдобыти, а тѣмъ часомъ росте въ велику армію войско найвысшого полководця Куропатника коло Ляояна, щобы помѣрятись съ японцями пôдъ командою Оямы въ Манджуріи. По страшной, но нерѣшающой битвѣ коло Ляояна переносятся вражіи таборы пôдъ Мукденъ.

И молятся японцѣ до своихъ божкôвъ о счаттье для своего оружія, а молятся и русскіи яко христіяне до Бога сотворителя и промышлителя свѣта о счастье для русского оружія. Дивнû такіи совсѣмъ розходящіи ся молитвы. Молитвы молитвами, лишь належало бы вглянути въ суть справы: где належитое приготовленіе до вôйны; где всякій ладъ и порядокъ, а где недбальство, обманъ правительства и публики, великій неладъ и склоннôсть до піянства и розгульства даже и тогда, коли уже смерть въ очу заглядае!

Одного вечера, въ розговорѣ о вôйнѣ въ родинѣ купця Григорія, сказалъ мужь Лидіи: „Якъ вы всѣ, такъ порицаю войну и я. Нужда людей про вôйну и пôдчасъ вôйны и середъ вôйны не до описаня великая. Но въ такôй державѣ якъ наша, где въ круги чиновникôвъ и войсковой старшины неперебитый фалшь загнѣздился, то чей зробитъ намъ вôйна, изъ которой правительство побѣдоносно выйти хоче, хоть стôлько доброго, що исправится зло теперь, коли оно въ мирное время исправитись не давало. Доставши великую груду зъ землѣ, заключающую въ собѣ золото, велитъ практика кинути груду съ золотомъ въ огонь, а изъ него выйде золото — чистымъ. Наше отечество скристализуется.

На се ôдозвалась Лидія, смотрѣвшая на жалкій видъ Ольги: „Твое мнѣніе философское; оно може и правдивое, но задалекій хосенъ изъ вôйны, тобою описаный для тѣхъ, що ôтъ вôйны рукоятную шкоду понесли. Всѣ которû на вôйнѣ житье не стратили, калѣками не зôстали и здоровье не потеряли, вернутся на родину цѣлыми, героями, славными людьми и вôйдутъ во всякіи выгоды и пожитки, дочекаются може и лучшого въ державѣ ладу но тѣмъ многимъ тысячамъ, що сложенû на теренѣ вôйны въ могилу, а тѣмъ тысячамъ, що вертаютъ на родину жалкими калѣками и вѣчными харлаками, и всѣмъ ихъ рôднымъ, якая корысть зъ вôйны? Одно забвеніе, рыданіе, терпѣніе и огорченіе. Коли при столкновенію двохъ желѣзнодорожныхъ поѣздôвъ на миліоны людского труда и имѣнія пропадае и много людей житье пострадае, то дôстане може потôмъ кôльканадцять осôбъ значнû пенсіи и ôтшкодованя, но чи можемъ мы за тотû пенсіи и ôтшкодованя знову столкновенія поѣздôвъ собѣ желати?“

На тотû слова не старался мужь Лидіи дальше потребу вôйны доказовати.

Родители Ольги, довѣдавшись якъ помарнѣла ихъ донька поѣхали по празднику Воздвиженія Честного Креста въ Х., гостили тамъ

два дни и взяли Ольгу въ Т. на цѣлый мѣсяць въ той цѣли, щобы надложила ей жизнь на родинѣ то, що ôтняла ей туга за Николаемъ. Хотѣла поѣхати въ Т. конечно и Варка, но на усильное прошенie всѣхъ зôстала она пôддержовати рухливое житie въ торговельнôмъ домѣ Григорiя.

VII.

Цѣлый свѣтъ звернувъ свои очи на Портъ-Артуръ и героевъ его. Цѣлый свѣтъ величае Стесселя и ввѣреныхъ ему воинôвъ, но мимото признавали всѣ близкое его паденie. Польскiи и жидôвскiи газеты голосили уже десять разъ радостну вѣсть, „що сдался Портъ-Артуръ“, но десять разъ показалась тая вѣсть злобною брехнею.

Но окончательно потвердилась вѣсть що взяли японцѣ верхъ 203 метры надъ крѣпостнымъ мѣстомъ. Черезъ взятie того верха заняли японцы такъ грозное для осадженыхъ русскихъ войскъ становище, що о близкой сдачи крѣпости уже не можна было сомнѣватись.

Въ Портъ-Артурѣ забракло всего! Найбôльше забракло воинамъ боевой силы про

шѣстмѣсячную неуставающую готовость для отраженія все новыхъ а нагло проявляющихся атакъ врага. А понеже забракло и амуниціи и хлѣба и воды и топлива и силъ до заходôвъ коло хорыхъ, и способу до покрѣпленія себе хотьбы якою-нибудь стравою про загальный недугъ зубôвъ и ясенъ, званый „скорбутъ“, то пôдъ напоромъ неизвѣстности зголосилъ генералъ Стессель, стративши головного помôчника въ особѣ ген. Кондратенка, сдачу крѣпости пôдъ певными условіями.

Межи условіями были и слѣдующіи точки; духовенство, медицинскій персоналъ и чиновники не попадутъ въ плѣнь, а офицеры (съ денщиками), дающіи слово, що не прійнмутъ бôльше участія въ вôйнѣ, и калѣки, могутъ вернутись на родину. Не далъ слово лишь офицеръ Мирскій, то пôйде въ неволю на все.

Согласіе портъ-артурского гарнизона послѣдовало посередъ плача и потока слезъ, бо рѣшились были всѣ воины поляѓнути до одного, а не сдатись. Понеже однакъ такая мѣра оказалась для добра отечества безцѣльною, прото уговорили розумны особы сдачу крѣпости по розрушенію военныхъ кораблей и загвозджeнію орудій.

И такъ пôйшла вѣсть по всей Россіи, що вернетъ на родину множество офицерôвъ и

деньщиковъ и воинôвъ-калѣкъ. Въ дôмъ купця Григорія надоспѣла вѣсть, що вернетъ домôвъ Николай съ деньщикомъ Гнатомъ. А чому не съ Борисомъ? Ахъ! ôнъ уже, тамъ где нѣтъ журбы и болѣзни, поводôвъ до вôйны и вôйны! Его досягла вражая куля въ чоло при ôтбиваню атаки на фортъ Итцешанъ На тую вѣсть зарыдала громко Варка. О вôйно! вôйно!

А якъ же вертае домôвъ офицеръ-герой Николай? Чи потѣшитъ ôнъ собою родителей Ольгу и будущихъ свекрѣвъ? Ôнъ выѣхалъ зъ Портъ-Артура не съ товаришами при бѣлôмъ оружію и усмѣхнутыми для возпріятія утѣхъ на родинѣ; ôнъ ѣде на родину прямо изъ больницѣ: безъ правой ноги по колѣно и безъ лѣвого ока и съ перевязанымъ правымъ окомъ!

„Боже!“ говорилъ Николай до товаришôвъ помагавшихъ ему всѣдати на повозку, щобы дôстатись на корабель. „Позволь менѣ еще стôлько видѣти правымъ окомъ, щобы мôгъ я розпôзнати моихъ родителей и мою Олю!“

Вотъ гаразды изъ за вôйны!

— О тôмъ якъ повитали родители съ Ольгою Николая, и якъ возрадовался ôнъ, що побачилъ еще трохи однымъ окомъ своихъ рôдныхъ и зъ туги-журбы помарнѣвшую Ольгу

не хочу я писати, бо на то за слабе мое перо. Была то хвиля полна горя и печали, — горя и печали непроминающихъ ни ôтъ богатства, ни ôтъ ôтличій, ни ôтъ дôбраныхъ слôвъ пріязни и знакомства.

Если возможе найтись въ сердцяхъ родины купця Григорія и директора Константина и у Варки якая ôтрада и успокоеніе, то подасть ихъ лишь одна вѣра и упованіе на Бога. „Иже аще нань надѣешися, той будетъ ти во освященіе“. (Иса.)

На закôнченіе сей печальной повѣсти скажу еще лишь то, що рѣшилась Ольга зôстати женою Николая, а чи будетъ ôнъ долго видѣти еще на праве око, то знае лишь одинъ Богъ. „Азъ же на Тя Господа уповахъ, рѣхъ; Ты еси Богъ мôй, въ руку твоею жребій мой“. (Пс. 30.)

Вôйна мерзость, и ничъ бôльше якъ мерзость.

